

Вечер с Вилли Токаревым

— Давно вы приехали сюда?
— В 1974 году.
— Но ваше творческое рождение состоялось в Союзе?

На лице собеседника — одновременно радость и боль воспоминаний.

— Да, конечно. Учился я в музыкальной школе при Ленинградской консерватории имени Римского-Корсакова по классу контрабаса. Был еще студентом, когда меня пригласили в оркестр Анатолия Кролла. Потом работал с пианистом Борисом Рычковым и певицей Гюлли Чохели, в ансамбле «Дружба» с Александром Броневицким и Эдитой Пьехой. Было время, когда я делал аранжировки, играл на фортепиано в некоторых оркестрах. Одним словом, школа у меня прекрасная. Она дала основу для того, чтобы заниматься этой деятельностью на Западе. Я бесконечно благодарен всем музыкантам, с которыми мне довелось работать.

— Долго вы скитались или сразу осели в Нью-Йорке?

— Я приехал в Нью-Йорк и никуда не хотел уезжать.

— Вы сразу нашли себя?

— Конечно, не сразу! Ходил как в потемках, как иностранец, приехавший в чужую страну, не зная языка, не зная ее обычаев. Приехал сюда, когда тут было еще мало эмигрантов, и трудился всюду, где удавалось: разносчиком почты на Уолл-стрит, уборщиком в Беккере. Одним словом, выполнял любую работу — лишь бы выжить. К заветной цели — музыке — шел шаг за шагом.

— Скажите, Вилли, вы писали только слова или музыку тоже?

Я много раз слушала записи Вилли Токарева и не менее наслушалась всяких историй о нем — правдивых и анекдотичных. И когда случилось мне быть в Нью-Йорке, не могла удержаться от соблазна увидеть исполнителя нашумевших песен, чтобы рассказать потом его многочисленным поклонникам, какой он сейчас, чем живет, ответить на много других «почему?». Это и привело меня в знаменитый Брайтен-Бич, поселок эмигрантов-евреев.

Разыскать ресторан «Одесса» не составляло труда, хотя реклама и вывеска его более чем скромны. Снаружи ничем не примечательное здание. На первом

— Писал и то, и другое. В Советском Союзе мои песни исполняли и Владимир Мулерман, и Эдита Пьеха, и другие. По всей стране они звучали, и я получал неплохие авторские. Но покупали у меня только музыку, так как в то время на радио и телевидение мои тексты не пропускали.

Однако в 1970 году меня пригласили в Мурманск на радио и телевидение — попросили написать песни о морях Северного флота. С неделей ушло на то, чтобы присмотреться, поговорить с жителями Мурманска, с моряками. Так родился цикл песен. Потом меня показали по телевидению, и за одну ночь я, можно сказать, стал героем Кольского полуострова.

— Мне кажется, у нас вы более популярны, чем здесь?

— Должен сказать, что моя популярность — своего рода бумеранг, который я запустил. Пересекая океан волна популярности помогает мне в Америке.

— Разница лишь в том, что у нас на первом месте творчество, а у вас — бизнес.

— Вы правильно говорите. Здесь бизнес вначале. Экономически я хорошо обеспечен, но ведь это не все. С прикидкой на ресторан ты поешь не то, что хочешь, что тебя волнует, а то, что попросит посетитель. Если ты ему откажешь, он может больше не прийти сюда. А всякий клиент не лишний: в ресторане это основа твоей работы.

Однако вернемся к моим скитаниям. Музыку я не бросал никогда. И однажды нашел работу с пианистом. Мы должны были играть в ресторане на Бродвее всего две недели. Видите ли, в

этом же — самостоятельные заведения: игральные автоматы и прочие атрибуты отдыха. В углу — запущенная лестница, она ведет в ресторан. Но открываешь двери — и попадаешь в атмосферу уюта и тепла. Не очень большой зал, стены и потолки которого окрашены в красный цвет; соответствующее освещение, столики, покрытые белоснежными скатертями, придают ощущение праздничности.

«Одесса» — один из первых ресторанов русской эмиграции третьей волны, как их называют.

— Я здесь четырнадцать лет, ресторан существует одиннадцать, а менеджером я всего лишь три года, — рассказал Лев Лин-

дер. — У меня есть ликеро-водочный магазин. А ресторан дорог мне тем, что он носит имя родного города — Одессы. Я недавно был там. Это благодаря Михаилу Сергеевичу Горбачеву мы, эмигранты, получили возможность посетить дорожку нашему сердцу места. С Вилли знакомы почти с того времени, как он приехал в Нью-Йорк.

На маленькой сцене у микрофона Токарев, пианистка и современная техника, заменяющая ему оркестр. Приветствуя нас, он поет свою песню «Добрый вечер».

Потом Вилли подсаживается к нам. И я понимаю: настал момент получить ответы на мои «почему?».

Америке хозяева ресторанов хотят, чтобы у них все время менялся оркестр. Но нам повезло: вместо двух недель работали семь месяцев! Это дало мне финансовую основу, было хорошим стартом. Кроме того, там мне удалось познакомиться с посетителями ресторана, который был расположен в театральной части города, и публика приходила туда особенная.

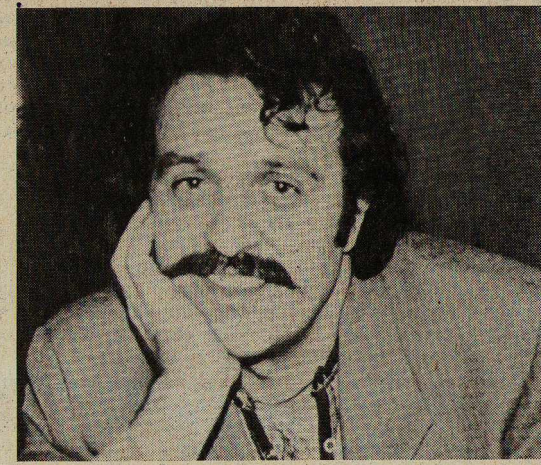
— Из вашей творческой биографии я поняла, что вы готовили себя к работе на эстраде. Но, согласитесь, эстрада и пение в ресторане — не одно и то же. У нас в стране такие известные актеры, как вы, имеют настоящие концертные площадки, у каждого из них есть свой зритель. Творческий престиж немалый без афиши, рекламы, телевидения, всеобщего внимания, которым окружены наши любимцы. Вы лишились всего этого. Чем компенсируется отсутствие творческого общения со зрителем, а не с посетителем ресторана?

— В ресторане я работаю только четыре дня в неделю. Остальные дни концертирую. Вылетаю и в другие города. Ну и, конечно, пишу песни...

— Как они рождаются?

— Неправильно считать мои песни автобиографичными. Есть песни, которые передают мое состояние. Многие написаны под впечатлением от встреч. Вот, например, встреча с вами. Возможно, это послужит толчком для песни о гостях из Москвы. Может быть, вы слышали мою «Человек и собака»? Она, как и другие, написана под впечатлением того, что я увидел, услышал, прочел в газете какие-то факты, обстоятельства, мимо которых я не могу пройти.

— А как возникла песня «На смерть Высоцкого»? Вы были знакомы с ним?

— Нет, я не был знаком. Слышал его «Песню о друге» и еще некоторые. Они мне нравились. В четырех строчках у него был целый мир. И я думал: кто же так пишет? Тут мне удалось собрать почти все записи Владимира Высоцкого, я познакомился с литературой о нем. Песню «На смерть Высоцкого» меня заставила написать статья в «Литературной газете». Не помню фамилию ее автора, это было, наверное, год назад. В статье говорилось, что Высоцкий скромно намекал на то, чтобы его приняли в Союз писателей, а там отреагировали на это довольно грубо. Я был поражен. Заочно я уже познакомился с Высоцким через его друга художника Михаила Шемякина. Все это и способствовало написанию песни о Высоцком.

— Сколько вам лет?
— Когда дают тридцать восемь, я соглашаюсь, даю меньше, тоже соглашаюсь. Я родился в 1946 году в глухой деревне Краснодарского края. Родители мои были крестьяне.

— Ваша мама живет в Москве?
— Нет. Когда я переехал в Ленинград, я взял с собой маму. Теперь она живет там с моими сестрами. В Ленинграде и мой сын, ему уже двадцать два.

— Почему вы не взяли его к себе?
— Я не хочу, у него там хорошее будущее. Он врач, работает на «скорой помощи» и продолжает совершенствоваться на медицинском поприще.

— А здесь? Вы обзавелись новой семьей?
— Нет. Здесь у меня единственная и постоянная невеста — музыка.

— После отъезда с Родины вы впервые были в Советском Союзе?

— Да, впервые за четырнадцать лет. Я снова познакомился с Москвой. И нахожу, что она очень изменилась. Я имею в виду людей — они стали другими, открытыми, а бы сказал, более счастливыми, несмотря на проблемы, которые, я уверен, будут преодолены.

— Мне понравилась ваша песня о Михаиле Сергеевиче. Что послужило поводом к ее созданию? Там есть, по-моему, такие слова: «Если бы я знал, что так будет, я бы не уезжал». Песня написана очень искренне. Видимо, вы в это верите?

— Меня радует то, что ваши газеты, радио, телевидение можно читать, слушать, смотреть с огромным интересом. Раньше было не так... С тех пор, как я уехал из Ленинграда в Штаты, у меня не было дня, чтобы я не читал о России и не интересовался тем, что там происходит. Спросите меня о чем угодно, что у вас и где, кто в правительстве чем занимается, — я все знаю.

— Расскажите, как вас встретила Москва.

— Потрясающе! Когда я прибыл в аэропорт, там была огромная толпа. Меня фотографировали. Я еле пробрался к маме. Оказывается, по Биби-си передали, что я приезжаю в Москву, и люди прибыли с разных концов страны — были с Украины, с Урала, из Сибири. Когда я увидел маму, у меня защемило сердце, она так постарела... Этой встрече она ждала с того дня, как мы расстались, — 14 лет. Она была счастлива. И она плакала от счастья.

Мы жили в «Будапеште», в хорошей гостинице. Для меня было мало тех девяти дней, которые я провел в столице. С грустью расставался я с новыми друзьями, почувствовал, что не успел сделать и тысячно доли того, что хотел. В номере бесконечно звонил телефон, меня приглашали, приглашали, приглашали. Встречи были безгранично теплые, дружеские! Поэт Андрей Вознесенский, певцы Иосиф Кобзон, Алла Пугачева... Калейдоскоп лиц, голосов, впечатлений...

— Как вы ощущали себя в Москве? Как в гостях или как дома?

— Я был ошеломлен. Я не ожидал такого приема. Честно говоря, я был не готов к нему. Москва стала для меня еще ближе, еще теплее.

— Вилли, есть ли у вас сокровенное желание?

— Да. Я хотел бы приехать в Союз по официальному приглашению, дать несколько концертов в пользу Детского фонда и Фонда мира.

— Ну, тогда до встречи в Москве. Я обязательно приду на ваш концерт, хотя, думаю, попасть на него будет не так легко, как в Нью-Йорке.

Кира ВЛАДИНА.